

Юрий Казаков

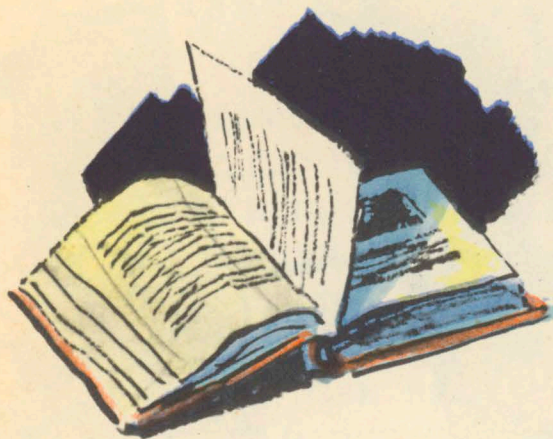
КРАСНАЯ ПТИЦА

ДЕТГИЗ

Юрий Казаков

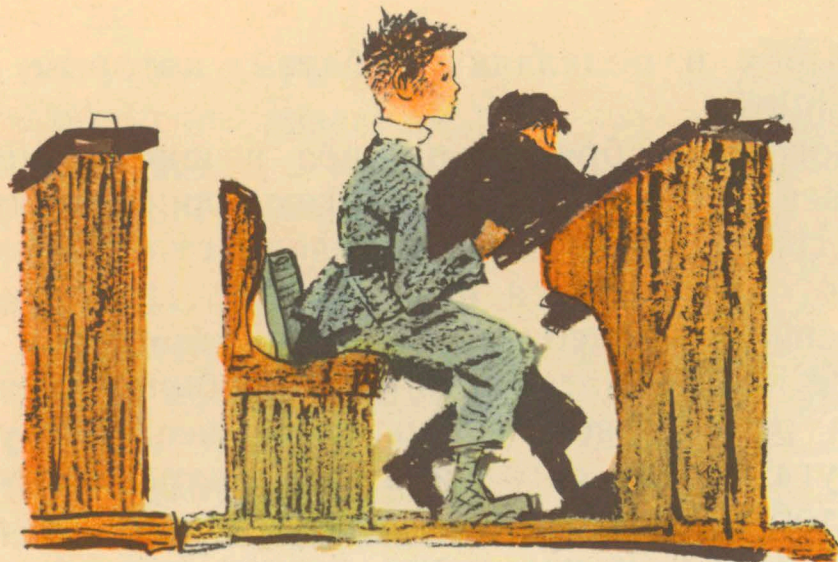
КРАСНАЯ ПТИЦА

Рисунки Ю. Коровина

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1963

КРАСНАЯ ПТИЦА

Отец и мать Миши уехали летом на Дальний Восток. Этот Дальний Восток был где-то на краю света, и Миша всё жил и жил, засыпал и просыпался, играл с ребятами, и опять приходила ночь, и он засыпал, а отец с матерью всё ехали и ехали. И только на одиннадцатый день бабушка, укладывая Мишу спать, сказала, что теперь-то уж, наверно, они приехали.

Так и остался Миша с бабушкой.

В июле бабушка повела Мишу устраивать в школу. А в августе от отца пришла посылка, и в ней была школьная форма, портфель, пенал, карандаши и розовые ластик. И пахло это всё так хорошо кожей, сукном и сухим деревом, что Миша сразу захотел в школу. Но до школы ещё долго нужно было ждать. А пока он стал надевать школьную фуражку. Он выходил на улицу, начиналась игра, и Миша часто забывал, что у него новая фуражка. Но потом обязательно вспоминал и тогда снимал, и рассматривал, и показы-

вал козырёк и подкладку ребятам, которым ещё не купили форму.

Первого сентября он пришёл в школу, но в его классе все ребята были с других улиц, и ему стало скучно. На переменах он тоскливо стоял возле окна или тихо прохаживался и удивлялся, что покрасневшие девчонки и ребята бегают по коридорам и скрипучей лестнице, возятся, шепчутся и обнимаются, будто дружили раньше всю жизнь, хотя все они увидели друг друга только сегодня. Ему казалось, что форма его неудобна, что ботинки жмут, и что всё вообще в школе плохо, и нехорошо пахнет свежей краской и почему-то гречневой кашей. Школа была большая, но старая, деревянная.

Читать он давно умел, писать тоже, и, когда учитель Алексей Павлович стал писать на доске ровные палочки, Мише сделалось так скучно, что он чуть не уснул.

Он пришёл в школу ещё раз, на другой день, а потом уже не пошёл. Сначала он говорил, что у него болит живот. Потом ему стало всё равно, и он сказал, что вообще больше в школу не пойдёт. А если его станут заставлять, то он уйдёт из дому, уедет на Дальний Восток и будет ехать и слезать на разных станциях, и так проедет, может быть, пять лет, а там уж и учиться не надо будет. Бабушка у него была старая, беспомощная, она только ахала и огорчалась, и Миша её не боялся.

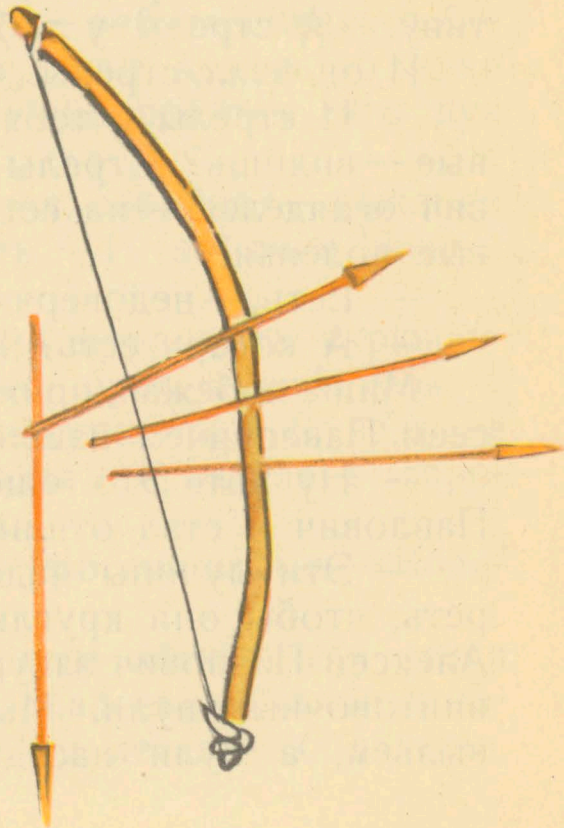
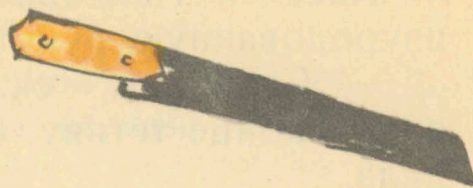
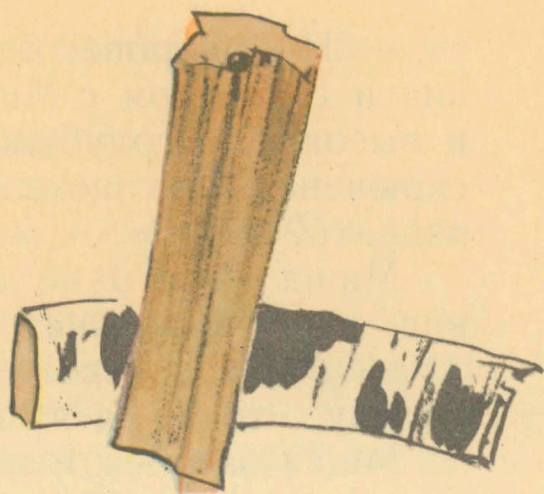
Длинное-длинное лето кончилось, и стояла осень. В садах облетали листья, и стали видны большие яблоки. Разжиревшие гуси еле ходили по сырой траве. Часто шли дожди, и мокрая земля тогда краснела, а трава зеленела. Девчонки и ребята тащили из лесу полные вёдра грибов.

„Зачем учиться, — думал Миша, — когда можно про-

сто так жить? Разве и без школы не известно, что трава растёт, а потом её косят и осенью желтеют листья? И что над заречными полями летят гуси и журавли? И что в берёзовых лесах растут подберёзовики, а там, где осины, — подосиновики?”

Так Миша и просидел дома до воскресенья, лазил на чердак и в сарай, играл сам с собой, а когда ребята, сделав домашние задания, выходили на улицу, он играл с ними.

Мише такая жизнь очень нравилась, он совсем повеслел и целыми днями пел песни на чердаке или в сарае. Он не знал, что бабушка ходила в школу и жаловалась Алексею Павловичу. А когда Миша в воскресенье утром делал себе стрелы для лука возле поленницы, калитка вдруг скрипнула, и во двор вошёл Алексей Павлович. Миша сначала испугался и покраснел. А потом насупился и решил, что лучше умрёт, чем пойдёт в школу.

— Ну, здоро́во, бродяга! — сказал Алексей Павлович и сел рядом с Мишей на бревно. Он был молодой и высокий, с голубыми глазами, только рука его была скрючена и на щеке был глубокий шрам. — Как живёшь-то?

Миша ничего не сказал, нагнул голову и сделал вид, что очень занят выстругиванием стрелы.

— Это ты что? — спросил Алексей Павлович. — Стрелу, что ли, делаешь? А лук хороший?

Миша засопел и подумал: „Спрашивает! Будто не знаю, зачем пришёл!“ — но невольно покосился на поленницу, где лежал его лук.

Алексей Павлович увидел лук, взял его в левую, изуродованную руку и подёргал за тетиву.

— Слабоват, — сказал он деловито и, развязав на одном конце тетиву, снова натянул, так, что она зазвенела.

— Вот теперь ничего, — сказал он и подёргал тетиву. — А стрелы у тебя, ну-ка?

И он взял стрелы. Осмотрел их и огорчился:

— И стрелы у тебя, брат, никуда: лёгкие. И кривые — видишь? Стрелы надо делать, — Алексей Павлович огляделся, — из сосны. Понял? Есть у вас сосновые поленья?

— Есть, — недоверчиво сказал Миша.

— А косарь есть? Поди у бабушки возьми.

Миша побежал, принёс косарь, потом вместе с Алексеем Павловичем нашли они ровное сосновое полено.

— Ну вот. Это ещё туда-сюда... — сказал Алексей Павлович и стал отщипывать косарём ровные лучины.

— Эти лучины надо обстругать, шкуркой протереть, чтобы они круглые и гладкие были, а потом... — Алексей Павлович задумался. — Потом, брат, дам я тебе винтовочные пули. Мы их раскалим, свинец оттуда выльем, а пули насадим на стрелы. Понял? Тогда,

если вверх запустишь — из глаз скроется!.. Ты чего же в школу не ходишь?

— Так... — сказал Миша. — Неохота.

— Ну вот, неохота! — возразил Алексей Павлович. — Не нюхал, брат, ты жизни, потому и неохота. Я в твои годы...

Алексей Павлович задумался, замолчал.

— Что? — спросил Миша, опять засопел и подумал: „Так и знал! Сейчас ругать станет!“

— В войну за десять километров в другую деревню к учительке бегал — вот что! Везде по деревням немцы стояли, школ не было, учителька — это мы её так звали — дома с нами занималась. Телогреек не снимали, вот что! Эх, ты...

И Алексей Павлович опять замолчал.

— Ну, пойдём ко мне стрелы делать, — сказал он и поднялся.

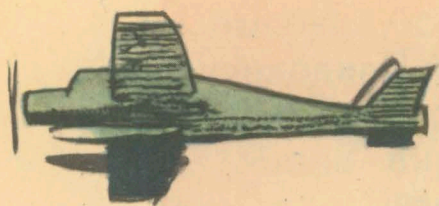
Пошли по улице. Мише сперва стыдно было идти с Алексеем Павловичем, боялся — ребята смеяться будут. Но потом он привык и стал думать о луке и о том, как бы соврать получше ребятам, что лук и стрелы он сам сделал.

— У вас что, рука с детства сломана? — вежливо спросил он, чтобы не молчать. — И на лице тоже... рубец.

— Это? — Алексей Павлович приподнял скрюченную свою левую руку. — А это, брат, судьба моя, — непонятно сказал он и стал закуривать. — Я ведь не всегда учителем был. Занимался я сначала в аэроклубе, а потом стал лётчиком.

— Лётчиком? — Миша даже про лук забыл. — Военным? На реактивных?

— Нет, брат, был я полярным лётчиком и летал не на реактивных, а на „Яке“. Маленький такой самолёт. Видел, наверно? Возил почту, летал за больными,

искал в море рыбаков, продукты им сбрасывал. Летал я на Маточкин Шар и на Кольский полуостров, в тундру Чум и Монч. И когда, бывало, летал, то всё одну песню пел. Мотор гудит, и для других петь нельзя, а для себя можно. Хорошая у нас там была одна песня. Мы её сами сочинили. Сидели в нелётную погоду и сочиняли. Хочешь послушать?

И Алексей Павлович тихонько запел песню про холодное море, про ветер и шторм, и про то, как долго летит самолёт, и как темнеют внизу холмы и только самолёт освещён солнцем, и как пилота ждут на аэродроме друзья. Песня была немного грустная и длинная, но Алексей Павлович пропел её всю и повторял все припевы, а кончив петь, сказал:

— Так вот и меня ждали однажды, да не дождались. Садился я на лёд, темновато было, шёл на костры, а вниз не глянул, зацепил за торосы, и вот...

Алексей Павлович опять посмотрел на свою руку и потрогал шрам на лице.

— Здоровый шрам, правда? — спросил он у Миши.

— Здоровый! — с уважением сказал Миша.

— То-то! Пошли скорей, а то за разговорами не дойдём никак.

Дом у Алексея Павловича был старый, стоял в саду, зарос смородиной, и весь дом снаружи и изнутри был коричневый от старости. Алексей Павлович открыл дверь на тёплую веранду, и Миша дух затаил — так там было много инструментов, тисков, станочков, моторчиков, книг, проволоки и каких-то частей самолётов и планёров!

— Это у меня мастерская, — сказал Алексей Павлович. — Пойдём молока попьем. Я люблю, даже чай с молоком пью.

А когда попили молока, Алексей Павлович поглядел в окно и сказал:

— Знаешь что, лук — это потом, а давай-ка сейчас мы с тобой пойдём планёр запускать. Я как раз вчера новый закончил. Пойдёшь?

— Пойду, — быстро сказал Миша. — А вы планёры делаете?

— Вот ты в школу не ходишь, — говорил из другой комнаты Алексей Павлович, — а мы там организовали кружок авиамodelистов, соревнования устраиваем...

Алексей Павлович вернулся с большим планёром. Планёр был красный, крылья у него шли из-под фюзеляжа назад и вверх, нос был длинный и тупой, как у акулы, а на фюзеляже горб.

— Я его из пластмассы делал. Пробовал в саду пускать, да тут деревья, места мало. Мы сейчас на реку пойдём, там с обрыва далеко видно.

И они пошли.

За оврагом сразу начинался лес, а в лесу уже было жёлто, и на чёрной дороге везде желтели опавшие берёзовые листья. А небо наверху было голубое, даже не похоже, что стояла осень.

Миша нёс планёр и любовался им. Иногда он нёс его на вытянутой руке, и тогда планёр будто летел, даже вздрагивал, просясь из рук.

— А если он улетит далеко, как мы его найдём?— спросил он, глядя на планёр снизу вверх.

— Видишь, он красный, его сразу заметно, ребята найдут, принесут в школу.

— А далеко улетают?— спросил Миша.

— Далекo.

— А может он долететь до солнца?

— Он, наверно, полетит дальше солнца, — сказал Алексей Павлович, хотя знал, что этого не может быть. Но ему хотелось, чтобы так было. И Мише тоже.

— Может, он полетит к голубой звезде, — сказал Алексей Павлович.

— К какой звезде?

— Ну, я не знаю. К Сирису. Или к Канопусу.

— О! — сказал Миша, хоть и не знал, где эти звёзды. — А можно его на ракете догнать? — неуверенно предложил он.

— Я как раз об этом думал. Знаешь, сделаем мы ракету и запустим её тоже к солнцу. И тогда она, может быть, догонит наш планёр, и им не скучно будет лететь вместе. А ты знаешь, что в нашей области родился Циолковский?

— Нет. А кто это? Лётчик?

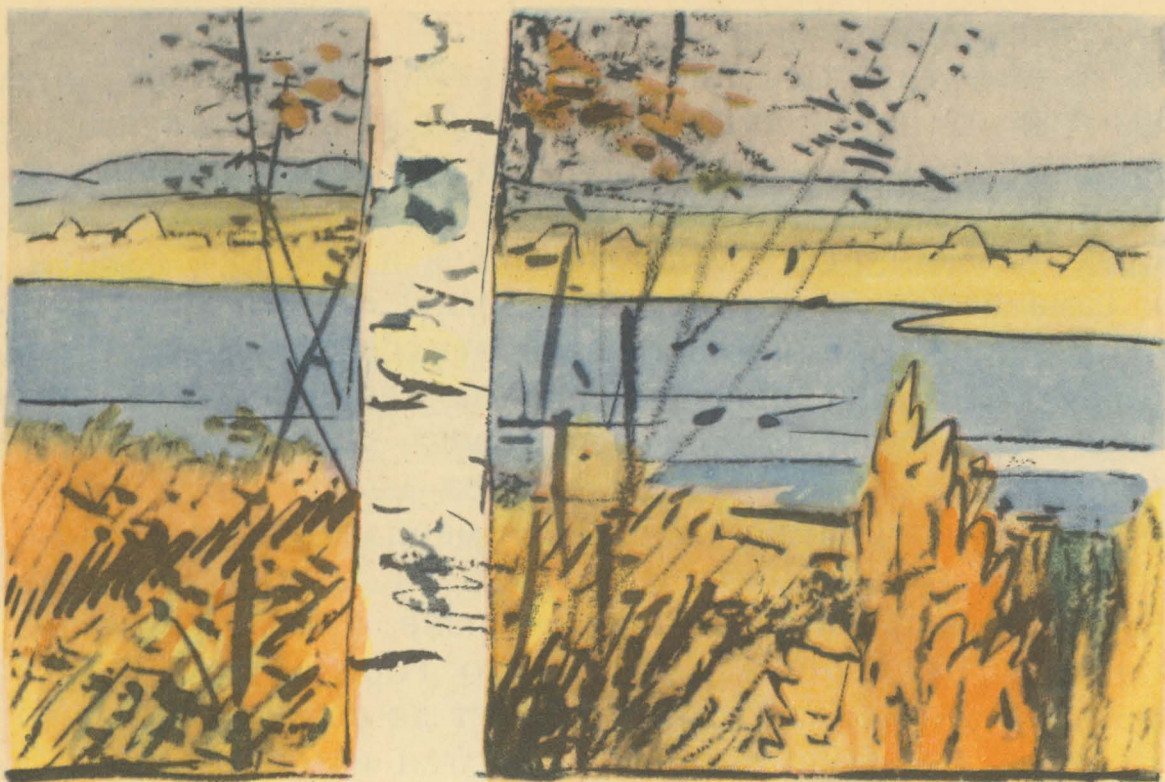
— Циолковский был изобретатель. Он изобрёл ракету и написал много интересных книг про космос.

— А! Так он был лётчик? — опять спросил Миша.

— Нет, он, как и я, был учитель. — Алексей Павлович немного покраснел и покашлял. — Он был старик. Глухой старик. И он ещё плохо видел и спотыкался, когда шёл по земле. — Алексей Павлович потёр свой шрам на лице. — Или, может быть, он спотыкался, потому что всё время думал о звёздах, и когда шёл куда-нибудь, то видел только звёзды во тьме и летящие к ним ракеты.

Алексей Павлович и Миша вышли на обрыв к реке. Река текла глубоко внизу, и ивы по её берегам были похожи на маленькие серебристые облачка. А за рекой, до лесистых холмов на горизонте, шли поля. На полях везде росли капуста и картошка, и колхозники уже начали убирать их. Видны были маленькие сверху грузовики, приехавшие в поля, и точками розовые

и зелёные косынки девушек, и ещё сизые кучи срезанной капусты.

— Посидим, — сказал Алексей Павлович. — Сперва нужно помолчать и как следует посмотреть на всё, чтобы запомнить. Знаешь, так просто, для настроения.

— Как — для настроения? — спросил Миша.

— Ну чтобы легко стало. На душе.

— А! Мне уже легко, — быстро сказал Миша и посмотрел на планёр. И вообразил, как сейчас полетит красный планёр.

— Но мы всё равно ещё посидим, — сказал Алексей Павлович. — Смотри, как тихо! Вон, видишь, деревья жёлтые, а вон, правее, целый лес багровый, а там — видишь? — ещё не успело пожелтеть, там зелено. И паутина летает.

— А почему она летает?

— А это такие маленькие паучки. Осенью они выпускают паутинку, и ветер несёт их с севера на юг, а когда стихает, паучки опускаются на землю и сидят на траве. А потом опять летят. Всё летит, Миша, всё, брат ты мой, летит — и жизнь наша, и птицы, и ракеты, и сама земля, и солнце — всё летит!

Алексей Павлович опять потихоньку замурлыкал песню, которую когда-то пел на севере. О том, как внизу уходят назад гористые берега, море и виден Северный полюс. И как ветер дует над Новой Землёй и солнце совсем не заходит и мерцает над океаном.

Миша сидел смирно, смотрел на красный планёр, который вздрагивал рядом на траве, просясь в полёт, смотрел на широкие, до самого горизонта, поля за рекой и думал, что эти поля идут до самого Дальнего Востока, где живут сейчас его отец и мать, и до Новой Земли, про которую пел Алексей Павлович, и ему было хорошо.

— Ну ладно, — сказал Алексей Павлович и встал. — Давай-ка запустим мы с тобой этого бродягу!

Он взял планёр в правую, здоровую руку. А левой погладил его крылья и фюзеляж.

— Внимание! — закричал он громовым голосом, и эхо отдалось из лесу.

— Старт! — крикнул он ещё громче, и эхо опять отдалось, а планёр уже рванулся вперёд и полетел.

Сперва он покачивался, будто был взволнован свободой и не знал, куда лететь — вниз или вверх. Потом успокоился, воздушные токи, поднимавшиеся от реки, подхватили его, и он стал забираться вверх. Он парил уже выше места, где стояли Алексей Павлович с Мишей, и заворачивал направо, но потом, раздумав, переменял курс и полетел налево, на восток, забирая всё выше и выше.

Сияло неяркое, сентябрьское солнце, всё заливало своим ласковым светом, и ветры, которые тихонько дули над землёй, были лёгкими и тёплыми. А там, за рекой, в полях, люди, увидев планёр, прикрывали глаза от солнца рукой и смотрели на красную птицу, стремительно несущуюся к недоступной высоте, как на чудо.

— О! О! Смотрите! — говорили они друг другу.

А планёр летел всё дальше! И хотя Алексей Павлович с Мишей остались далеко на обрыве, они тоже как бы летели вместе с ним и вместе с ним озирали землю и радовались ласковому дню и тому, что внизу идёт мирная работа и что люди замечают их планёр.

ПУТЕШЕСТВИЕ В РУКОМАРУ

Люблю я проводить осень в Пицунде, потому что нет, наверно, места лучше на всём Чёрном море.

Приехал я в Пицунду и пошёл искать себе дом. Долго я ходил по солнцу, устал и присел отдохнуть на лавочке возле какой-то калитки.

Вдоль дороги росли эвкалипты — высокие деревья с узкими длинными листьями. Они начали уже опадать. Много оранжевых, шоколадных листьев и коры, свёрнутой в трубку, лежало на земле. Ребята собирали листья и кору в кучи и жгли маленькие костры. Эвкалиптовый дым был горек и пахнул лекарством.

Я понюхал дым, задумался и не заметил, как из калитки вышел мальчик Валерка.

Он был в зимней шапке, глаза его серебрились, а лицо было бледно; он приехал с севера, и ему было семь лет.

— А откуда ты приехал? — спросил он.

— Я не приехал, а пришёл, — сказал я. — Я целый день шёл пешком из Гагры.

— Ух! — изумился Валерка. — А куда ты идёшь?

— А иду я... — тут я немного подумал, — иду я, братец ты мой, в Рукомару.

Никакой Рукомары, конечно, не было на свете. Но мне тут же показалось, что она есть. Может быть, на меня так подействовал запах эвкалиптового дыма или чёрные кипарисы. Или далёкие горы, которые были тёмно-красными в этот предвечерний час.

— А где эта Рукомара? — спросил Валерка.

— Совсем рядом, у моря, — махнул я рукой.

— Я ещё не видел моря, — сказал Валерка. — Я вчера только приехал. А что в этой Рукомаре?

— О! — сказал я. — Там вода утром в море белая, как молоко. А днём синяя, как небо весной. Вечером лиловая и густая, как масло. А на закате розовая. Люди там чёрные от солнца, только зубы у них белые, когда они смеются. Целыми днями сидят они на горячих камнях, пьют кофе и смотрят в море и на облака.

Я уже отдохнул, встал, взвалил свой рюкзак, но поглядел на дом, из которого вышел Валерка, на сад с георгинами и подумал: почему бы мне не пожить здесь? Тогда я вошёл в калитку, поговорил с хозяйкой и остался жить в этом доме. А Валерка стал моим соседом — он был племянник хозяйки.

На другой день я собрался на море.

— Можно, я с тобой пойду? — попросил Валерка.

А то я один не дойду до моря.

И мы пошли. Сперва мы прошли садом, открыли заднюю калитку, разогнали гусей, свернули налево, поскрипели ногами по гальке и вышли на кипарисовую аллею. Потом лесной дорогой пошли на базар. В тени возле базара дремали ишаки с пустыми корзинами.

— Ух! Это кто длинноухие? — спросил Валерка.

— Это ишаки, — сказал я. — Они пришли издалека, — видишь, копытца у них в пыли. Они пришли, наверно, из Рукомары. Они привезли нам сладкую хурму, мандарины, инжир и виноград.

Мы вошли на базар. Чёрные липкие кучи винограда лежали на прилавках. Мясистый инжир, похожий на луковки, таял на солнце. Сквозь шершавую

кожу груш выступал сладкий сок. Девушки-абхазки смеялись и кричали Валерке:

— Ай, какой бледный мальчик! Хочешь винограду? Или груш?

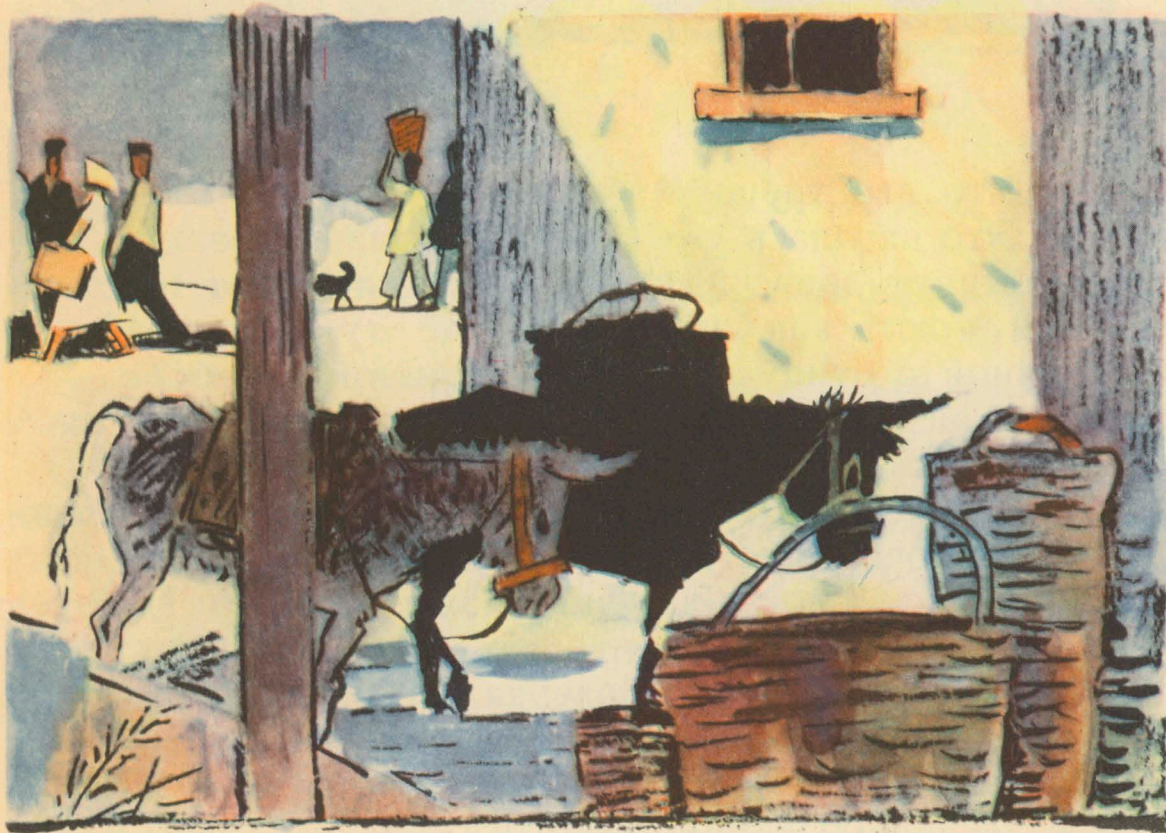
И ещё они весело перекликались друг с другом и часто повторяли своё любимое: „Ара! Ара!“ — что по-русски значит: „Нет! Нет!“

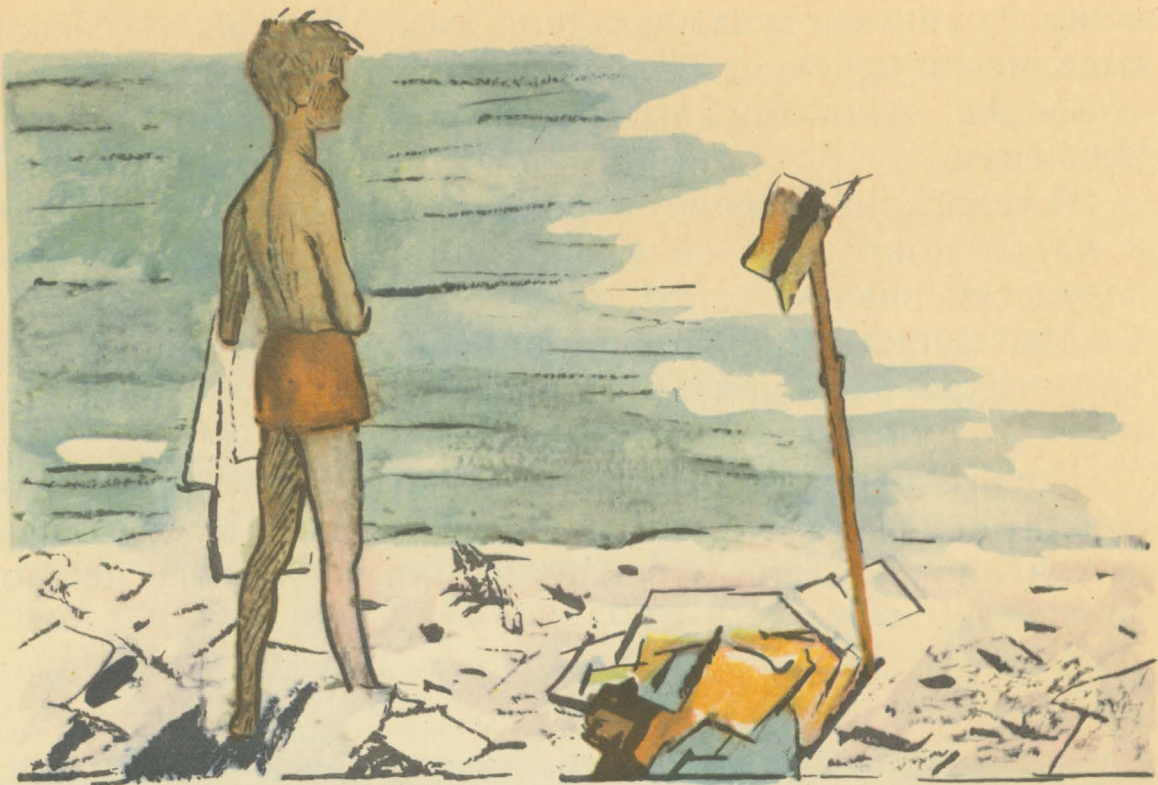
Мы купили фруктов и пошли лесом к морю.

— Куда мы идём? — спросил Валерка.

— В Рукомару, — сказал я.

Сосны были так высоки, что у Валерки падала шапка, когда он глядел на их вершины. Между длинных иголок висели крепкие шишки. В кустах нежно трещало.

— Кто это трещит? — спросил Валерка.

— Это началась уже страна Рукомара, — сказал я. — Здесь живут древесные лягушки. Они сидят на деревьях и поют, как птицы. И ещё тут есть бабочки величиной с птицу и птицы величиной с бабочку.

А впереди всё светлело, светлело, солнечный свет брызгал между стволов сосен.

Птицы пели на разные голоса и, перелетая, качали ветки колючих кустов. Под ногами у нас шуршала красная хвоя, а в лицо дул влажный ветер. Наконец мы вышли к морю.

— Ух ты! — сказал Валерка, и глаза его стали синими от моря.

Мы выбрали себе место на песке и разделись. Море звенело о камни и после каждой волны гово-

рило нам тихое, протяжное „Рррасс!“, очень похожее на „Здравствуй!“

— Это и есть Рукомара? Самая настоящая? — спросил Валерка.

— Самая настоящая, — сказал я. — Здесь две тысячи лет назад жили греки. Большой город с домами из белого мрамора, с высокими каменными тротуарами стоял на берегу моря. В каналы города заходили корабли с розовыми шёлковыми парусами. Греки, фригийцы, арабы, персы приплывали сюда из дальних стран. А город назывался тогда Великий Питиус. Но разрушился город, и занесло его песками. А страна Рукомара осталась, только её не каждый видит. Вон смотри, пальмы, видишь? На них растут кокосовые орехи, полные молока.

— Вижу! — сказал Валерка.

— А ещё ты видишь белые дома? — спросил я и показал ему на камни. — Видишь, из последнего дома вышел загорелый человек?

— Вижу! — сказал Валерка и показал мне на рыбака.

— Ага! Он будет ловить рыбу и жарить её потом на оливковом масле, на вкусном масле, которым солнце напиткивает оливки всё лето.

— А какую рыбу он будет ловить?

— Прекрасную рыбу, самую лучшую, — сказал я. — Барабульку он будет ловить — маленькую рыбку с красными пятнышками по телу, и скумбрию, и кефаль, и ставриду, и камбалу, плоскую, как блин, — самую лучшую рыбу, какая только есть в море!

— А вон пароход! — закричал Валерка и показал мне тёмную точку на горизонте со слабым облачком дыма.

— Да, и пароход идёт к нам, в Рукомару, и везёт всё, что только нужно: игрушки и конфеты, куклы для девочек и ружья для ребят. Куклы эти могут говорить, как самые настоящие люди, а ружья стреляют конфетами.

— А пушки у них стреляют пирожными, да? — сказал Валерка.

— Да! Потому что эти рукомарцы весёлый и добрый народ.

Так мы, лёжа на берегу моря и греясь на солнце, как будто путешествовали в Рукомару. А вечером, наевшись сладких фруктов, накупавшись, купив у рыбака рыбы, набрав в лесу шишек и грибов, мы пришли домой.

Я стал готовить себе ужин на кухне, а Валерка вышел за калитку и встретил там толстого Мишеньку.

Мишенька тоже приехал на юг, и ему было семь лет. Но он приехал не один — с ним была мама, с ним был папа, и с ним была няня. Втроём они охраняли его, кормили его, купали его и втроём укладывали спать. Он был толстый, капризный и ни во что не верил. И он не любил никаких путешествий.

— Ого! Как ты загорел! — сказал он с некоторой завистью. — Где это ты загорел?

— В Рукомаре, — сказал Валерка.

— Где-е? В какой такой Рукомаре? Сказал тоже!

— Да! — упрямо повторил Валерка. — Я там был. Я был в белом городе, где люди чёрные от солнца и пьют кофе.

— Ври больше! — сказал Мишенька и засмеялся. — Наверно, в Гагре был, а выдумываешь.

— Нет, был! — закричал Валерка и сжал кулаки. — Не веришь, а я всё равно был, дурак такой! Там ходят ишаки, и уши у них как кипарисы. Они всё слышат, даже как смеётся в море рыба. А небо там сладкое, и люди, и собаки, и все ходят свободно вниз головой, прямо по небу. И они его едят ложками, и языком, и кто чем! Пароходы причаливают прямо к улицам и на тротуары складывают игрушки — кому надо, тот приходит и берёт. Что! А ночью все звёзды спускаются прямо в город, плавают и светят по улицам и залетают в комнаты, потому что они не боятся людей.

— Ого-го! Вот так заливает! — кричал Мишенька, но в голосе его слышалась уже неуверенность.

Тут я не вытерпел и вышел на улицу.

— Всё верно! — сказал я Мишеньке. — И мы с Валеркой действительно были в Рукомаре. И видели там всё, о чём он рассказал тебе. И ещё видели такое, о чём и рассказать нельзя. Рукомара близко, — сказал я, — надо только поверить в неё. И надо ещё не

бояться. Нужно любить путешествия и приключения. А ещё нужно немного похудеть, чтобы не пыхтеть во время ходьбы и не пугать птиц и древесных лягушек!

После этого мы с Валеркой ушли. А Мишенька, растерянный, пошёл домой. Он был очень грустный. И он, наверно, размышлял, почему это люди так любят разные путешествия — выдуманные и настоящие, и стоит ли худеть из-за какой-то Рукомары.

А мы с Валеркой ещё много раз побывали в Рукомаре и узнали страшно много интересных вещей в этой удивительной стране.

Цена 13 коп.

Д л я с т а р ш е г о д о ш к о л ь н о г о в о з р а с т а

Казаков Юрий Павлович

КРАСНАЯ ПТИЦА

Ответственный редактор *И. Ф. Скороходова*. Консультант по художественному оформлению *С. М. Алянский*. Техн. редактор *Т. М. Страхова*.
Корректор *З. С. Ульянова*. Сдано в набор 3/IV 1963 г. Подписано к печати 8/VIII 1963 г. Формат 60×90 $\frac{1}{2}$. 3,5 п. л. (1,85 уч.-изд.). Тираж
178 000 экз. ТП 1963 № 51. Детгиз, Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза, Москва, Сушевский вал, 49. Заказ № 4636.